

О терминах, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

В статье анализируются термины, используемые законодателем при конструировании диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ. Представлен анализ термина «шантаж», не имеющий легального определения и требующий уточнения содержания. Так как он используется в конструкции не только статьи ст. 133 УК РФ, но и ряда других, целесообразно закрепить содержание этого термина в примечании к статье, в которой он используется впервые, – ст. 127.2 УК РФ в следующей редакции: «В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Представлена критика конструкции «использование материальной или иной зависимости потерпевшего» в качестве признака объективной стороны рассмотренного состава преступления, и с примерами из практики рассмотрены проблемы квалификации по нему. Предложено заменить эту конструкцию на «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного». Обосновывается, что за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, остается ряд действий, обладающих общественной опасностью, но также не подпадающих и под признаки других составов половых преступлений. Это позволило предложить оставить открытым перечень способов совершения рассматриваемого преступления, указав на угрозу совершения другого преступного деяния. Обоснована необходимость существования разных конструкций состава в разных частях статьи в зависимости от результативности понуждающих действий. В заключение предложена новая редакция ст. 133 УК РФ с учетом необходимости коррекции терминов, которыми описываются действия сексуального характера.

Ключевые слова: понуждение, принуждение, действия сексуального характера, шантаж, угроза.

On Terms Used in Defining the Corpus Delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article analyzes the terms used by the legislator when defining the disposition of the corpus delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of the term «blackmail» is presented, which does not have a legal definition and requires clarification of the content. Since it is used not only in the construction of Article Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also a number of others, it is advisable to formalize the content of this term in a note to the article in which it is used for the first time - Art. 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: «In the articles of this Code, blackmail is understood as the threat of dissemination of information defaming the victim or their relatives, or other information that can cause significant harm to the rights or legitimate interests of the victim or their relatives». The criticism of the construction «use of material or other dependence of the victim» as a sign of the objective side of the considered corpus delicti is presented, and with examples from practice, the problems of qualification for it are considered. It is proposed to replace this construction with «under the threat of committing actions that violate the rights and legitimate interests of the victim, who is financially or otherwise dependent on the perpetrator». It is substantiated that outside the corpus delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, there remains a number of actions that have public danger, but also do not fall under the signs of other elements of sexual crimes. This made it possible to propose that a list of methods for committing the crime in question be left open, pointing out the threat of committing

another criminal act. The necessity of the existence of different structures of the composition in different parts of the article, depending on the effectiveness of coercive actions, is substantiated. In conclusion, a new version of Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, taking into account the need to correct the terms that describe actions of a sexual nature.

Key words: coercion, compulsion, sexual acts, blackmail, threat.

Так как диспозиция ст. 133 УК РФ среди способов выполнения объективной стороны преступления не содержит указания на насилие, то традиционно это преступление относят к категории ненасильственных половых преступлений. Однако с учетом сложившейся в науке уголовного права позиции относительно понимания психического насилия, отдельными авторами обосновывается необходимость его определения именно как насильственного [Конорезов 2022: 17; Мотин 2017: 38].

В действующей редакции ст. 133 УК РФ общественная опасность деяния связывается не с фактом совершения действий сексуального характера с лицом, которое дает на это вынужденное согласие, а со способом, применяемым для достижения такого согласия, поэтому момент окончания этого преступления – это момент выражения требования совершить действия сексуального характера и соответствующей угрозы. Для формирования такой конструкции нужен специальный термин, в качестве которого выбран термин «понуждение».

Отсутствие в УК РФ легального, а в теории уголовного права устоявшегося определения понуждения создает трудности для правоприменительной практики. Не раскрывается содержательная сторона этой важной в уголовном праве категории и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Для того чтобы определиться с содержанием этого термина и его соотношением с другими понятиями, проанализируем случаи его использования в УК РФ.

Термин «понуждение» законодателем используется в ст. 206 УК РФ при определении цели преступления – понуждения совершить какие-либо действия или отказаться от их выполнения. В этом случае он использован таким образом, что способом понуждения выступает физическое насилие, так как захват или удержание лица являются способами понуждения государства совершить действие или воздержаться от его совершения.

Рассматриваемый термин ранее использовался в примечании к статье 117 УК РФ, где было сформулировано понятие пытки, однако после соответствующих изменений уже в примечании 1 к ст. 286 УК РФ законодатель отказался от его использования в этом же понятии, заменив на термин «принуждение».

Термин «принуждение» используется в УК РФ значительно чаще, хотя также законодателем никак не определяется, а анализ контекста, в котором он используется, приводит к противоречивым выводам. Так, в ст. 120, ч. 3 ст. 144, ст. 149 УК РФ способом принуждения называется применение насилия или угроза его применения. При конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, использован аналогичный подход, так как в диспозиции нормы указано, что принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения могут совершаться под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, а также с применением насилия. Ст. 302 УК РФ способами принуждения называет применение угроз, шантажа, иных незаконных действий, а также насилие, издевательство и пытки. Аналогичный подход использован в ст. 309 УК РФ.

В ч. 1 ст. 147 УК РФ принуждение также названо одним из признаков объективной стороны нарушения изобретательских и патентных прав без конкретизации способов такого принуждения. П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» содержит разъяснение о том, что нарушение изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству может заключаться в оказании воздействия любым способом, в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий.

Однако в конструкциях квалифицирующего признака, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, а также состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, принуждение и применение насилия либо угроза его применения, а также угроза уничтожения имущества рассматриваются в качестве альтернативных способов. Диспозиция ст. 283.1 УК РФ также указывает на шантаж, принуждение, угрозу применения насилия либо иной незаконный способ как альтернативные способы получения сведений, составляющих государственную тайну. В этих случаях законодатель не указывает на возможные способы принуждения, метод толкования также не позволяет определить какие-либо в качестве таковых. Поэтому такие примеры использования понятия «принуждение» возможно расценить исключительно как дефект законодательной техники.

В ст. 40 УК РФ термин «принуждение» использован в приложении и к физическому воздействию, и к психическому, в том числе и в случаях, когда лицо сохранило возможность руководить своими действиями.

Это позволяет сделать вывод, что принуждением можно считать действия в целях оказания влияния на волю другого лица, совершаемые различными способами, в том числе применением насилия, угрозой его применения, угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких или иные неблагоприятные для потерпевшего последствия. Вероятно, по этой причине в ст. 133 УК РФ использован термин «понуждение», так как в число способов совершения этого преступления не входит ни насилие, ни угроза его применения.

В литературе можно встретить предложения заменить термин «понуждение» термином «сексуальное домогательство» [Дядюн 2021: 57]. Сложно найти доводы к тому, чтобы согласиться с таким предложением, так как подобное решение приводит к необходимости содержательного наполнения еще одного термина – «домогательство», определения момента окончания такого деяния и разграничения со смежными категориями.

Также при конструировании ст. 133 УК РФ использован еще один термин, не имеющий легального определения и требующий уточнения содержания, – шантаж. Это понятие использовано законодателем не только в конструкции рассматриваемого состава преступления, но и в ст. 127.2, 185.5, 230.1, 302, 304, 309 УК РФ. В литературе и правоприменительной практике под шантажом принято понимать требования совершить какие-либо действия, либо воздержаться от их совершения под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [Никитин 2016: 61-64; Остапенко 2009: 135]. Из приведенного определения следует, что способом понуждения может быть и угроза сведений, которые не являются компрометирующими или порочащими. Другое решение вопроса существенно бы ослабило степень уголовно-правовой защиты половой свободы и половой неприкосновенности личности. С учетом того, что отдельными авторами приводятся примеры того, что правоприменительная практика неоднозначно понимает рассматриваемый термин, зачастую понимая под ним и угрозу уничтожения имущества [Конорезов 2021: 72], либо только угрозу распространения порочащих сведений [Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики], что вряд ли правильно, исходя из описания признаков состава, видится необходимым закрепить толкование этого признака.

В диспозиции нормы, предусмотренной ст. 163 УК РФ, в качестве способа вымогательства закреплена угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. В ст. 179 УК РФ подобная угроза сформулирована лаконичнее: как угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. На первый взгляд, в целях экономии законодательной техники можно закрепить определение шантажа через такое описание, так как, исходя из используемой конструкции, сведения, позорящие потерпевшего, являются частным случаем сведений, распространение которых может причинить существенный вред потерпевшему. Однако термин «существенный вред» является оценочным и требует смыслового наполнения в каждом конкретном случае. При использовании конструкции из диспозиции нормы ст. 163 УК РФ существенность вреда, причиненного возможным распространением сведений, может измеряться с вредом, характерным для распространения позорящих сведений.

С учетом того, что термин «позорящие» носит эмоциональную окраску, его использование в тексте закона видится сомнительным. В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, предлагается понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). То есть термин «позорящие» получает разъяснение через традиционный для права, используемый в том числе и в Гражданском кодексе РФ термин «порочащий».

Таким образом, с учетом того, что термин «шантаж» используется не только в конструкции нормы ст. 133 УК РФ, но и ряда других, целесообразно закрепить содержание этого термина в примечании к статье, в которой он используется впервые – ст. 127.2 УК РФ в следующей редакции: «В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Такой подход позволит ввести в законодательный оборот термин с определенным содержанием, который может быть использован во всех случаях, обеспечивая возможность построения норм с конкретизированным содержанием.

В соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует оговорить, что для квалификации по ст. 133 УК РФ не имеет значения, распространением правдивых или ложных сведений угрожал виновный. Если имело место фактическое распространение сведений, образующее самостоятельный состав преступления, то требуется квалификация ст. 133 УК РФ по совокупности, например, со статьями 128.1, 137, 155 или 183 УК РФ. Аналогичные пояснения при необходимости следует включить и в другие Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Формулировка способа «использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица» не связывается законодателем с конструкцией угрозы. Это означает, что в описываемом контексте виновное лицо не выражает угрозу как таковую, а добивается согласия лица на совершение действий сексуального характера, используя зависимое положение потерпевшего, который вынужден принять соответствующее решение в интересах понуждающего. Однако такому подходу к описанию признака состава преступления сложно дать положительную оценку. Во-первых, конструкция признака ставит вопрос о том, в каких случаях финансовые отношения между субъектами обладают признаками материальной зависимости одного от другого. Во-вторых, отсутствует ясность в понимании «иной зависимости», так как она может иметь безграничное содержание, включая и различные проявления эмоциональных, в том числе и односторонне-эмоциональных зависимостей, которые вряд ли целесообразно рассматривать в качестве способов преступного деяния. В-третьих, необходимо понимание механизма преступного использования указанных зависимостей, который бы позволял отграничить этот способ оказания влияния на потерпевшего от фактического состояния лиц в них, не являющихся фактором преступного деяния. Правоприменительная практика сталкивается со сложностями при квалификации понуждения к действиям сексуального характера по этому признаку. Так, по одному делу суд указал, что одно лишь предложение совершить

указанные в ст. 133 УК РФ действия при наличии материальной и иной зависимости не образует состава данного преступления, виновный должен осознавать, что понуждает потерпевшую к действиям сексуального характера [Апелляционное постановление Московского областного суда от 26 августа 2014 г. N 22к-4989/2014]. По другому делу суд, указав, что виновный, будучи супругом матери малолетней (достигшей 12 лет), осознавая ее зависимое в силу возраста положение, совершал в отношении нее действия сексуального характера, верно квалифицировал действия по ст. 135 УК РФ, так как не было установлено то обстоятельство, что такое зависимое положение стало фактором понуждения. При этом последующие эпизоды действий сексуального характера в отношении этой же потерпевшей, но совершенные под угрозой распространения фотографий и видеозаписей интимного характера, были квалифицированы по ст. 133 УК РФ [Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 № 2-43/22].

Также видится, что в подобных случаях сложно установить, что виновный и потерпевшая одинаково оценивают сложившуюся ситуацию. Возникает вопрос о квалификации, когда одно лицо предлагает другому, находящемуся в какой-либо от него зависимости, совершить действия сексуального характера, не предполагая влияния этого обстоятельства на решение, принимаемое другим лицом, и желая добровольного контакта, а второе лицо соглашается, полагая, что поступившее предложение подкрепляется риском негативных последствий отказа, что приводит к его вынужденному согласию. Если не будет установлена субъективная сторона в виде умысла и соответствие признаков субъективной стороны признакам объективной стороны такого деяния, то квалификация этих действий по ст. 133 УК РФ невозможна. Игнорирование соответствия субъективных и объективных признаков приведет к тому, что во всех случаях, когда лица находятся в какой-либо зависимости (учебная, служебная, материальная и т. д.) и вступают в половые отношения, может усматриваться рассматриваемый состав преступления.

С учетом ранее определенных особенностей конструкции исследуемого состава преступления, концепции момента его окончания и того обстоятельства, что угроза, в соответствии со сложившимся в теории и правоприменительной практике подходом, может быть выражена различными способами, в том числе конклюдентными действиями, а также носить неопределенный характер, видится возможным сформулировать этот способ принуждения таким же образом, как и другие способы совершения этого преступления. Например, так: «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного». Это обеспечит единообразие при описании способов принуждения и предупредит рассмотренные квалификационные проблемы.

Угроза уничтожением или повреждением имущества не содержит в качестве обязательного признака минимального ущерба, который грозит потерпевшему, для того, чтобы быть способом совершения преступления, как это, например, сделано в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ и обуславливается в нем необходимостью обеспечения минимально необходимой для криминализации деяния степенью общественной опасности. С учетом того, что в составе преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, такая угроза является способом совершения другого деяния, то к ней требование о такой минимально необходимой степени общественной опасности не должно предъявляться (как и при конструировании составов насильственных половых преступлений не предъявляется к объему и интенсивности применяемого насилия). Однако если лицо принуждает другое лицо к совершению действий сексуального характера под угрозой уничтожения или повреждения имущества, которое имеет объективно несущественную стоимость, то можно говорить о малозначительности такого деяния в целом. Например, под угрозой повреждения зажигалки или уничтожения пачки сигарет, повреждения элементов недорогой одежды и т. п. В каждом конкретном случае признаки малозначительности должны устанавливаться индивидуально.

Анализ рассмотренных способов понуждения показал, что за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, остается ряд действий, обладающих общественной опасностью, но также не подпадающих и под признаки других составов половых преступлений, например понуждение к действиям сексуального характера под угрозой незаконного привлечения к уголовной ответственности потерпевшего, незаконного заключения под стражу, угрозу вовлечь несовершеннолетнего ребенка потерпевшего в употребление наркотических веществ и подобные угрозы. В литературе отмечается, что и понуждение с угрозой противоправного обращения имущества также нельзя отнести к составу преступления, предусмотренному ст. 133 УК РФ [Шарапов 2009: 155]. Ввиду этого видится необходимым оставить открытым перечень способов совершения рассматриваемого преступления, указав на угрозу совершения другого противоправного деяния, кроме угрозы применения насилия. Указание на противоправность, а не на преступность деяния позволит включить в круг угроз и такие деяния, которые по различным причинам не могут быть оценены как преступные, но несут в себе заряд общественной опасности в качестве способа принуждения.

На нецелесообразность использования в тексте уголовного закона терминов «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство» неоднократно обращалось внимание в юридической литературе и приводились обоснования использования единого термина – действия сексуального характера [Тыдыкова 2018: 56-63]. Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 133 УК РФ может быть представлена в следующей редакции: «Принуждение лица к совершению действий сексуального характера путем шантажа, либо под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо под угрозой уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо угрозой совершения другого противоправного деяния в отношении потерпевшего или его близкого лица (кроме угрозы применения насилия)».

Анализ правоприменительной практики показывает, что зачастую угрозы, которые являются способами совершения преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, оказываются эффективными и потерпевший фактически выполняет требуемые действия, в том числе продолжительный период времени. Так, Я., представившись в

социальной сети несовершеннолетней девочкой, получил от несовершеннолетнего мальчика фотографии интимного характера. Далее под угрозой распространения этих фотографий потребовал от него встречи и вступления в интимную связь. Преступления под угрозой распространения компрометирующих фото, а затем и видеоматериалов с участием несовершеннолетнего потерпевшего совершались виновным на протяжении более чем двух лет, между актами мужеложства с потерпевшим проходили значительные временные промежутки, действия реализовывались по-разному, но по схожему сценарию. Всего за этот период Я. совершил понуждение к мужеложству путем шантажа в отношении одного несовершеннолетнего - 18 преступлений, а также понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего - 4 преступления [Справка Самарского областного суда]. Подобные случаи существенно отличаются по своей общественной опасности от тех, когда деяние заключается только в выдвигании требования соответствующего характера, за которым не следует фактическое совершение действий сексуального характера. В связи с чем не может не возникнуть вопрос о необходимости существования состава принуждения к действиям сексуального характера, который бы охватывал их фактическое совершение и отражал в санкции повышенную, по сравнению с рассмотренной конструкцией состава, общественную опасность. В литературе высказывалась мысль о дифференциации уголовной ответственности за рассмотренное деяние в зависимости от его результативности, например путем включения в статью соответствующего квалифицирующего признака [Конорезов 2022: 19-20]. Но в силу того, что фактическое совершение действий сексуального характера может повлечь ряд последствий, которые должны стать дополнительным фактором дифференциации уголовной ответственности, целесообразным видится сформулировать отдельный состав такого преступления в ч. 2 ст. 133 УК РФ. Например, таким образом: «Действия сексуального характера путем шантажа, либо с угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо с угрозой уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо угрозой совершения другого противоправного деяния (кроме угрозы применения насилия) в отношении потерпевшего или его близкого лица».

Таким образом, ст. 133 УК РФ в действующей редакции имеет существенные недостатки конструкции и требует изменений.

Литература

Апелляционное постановление Московского областного суда от 26 августа 2014 г. по делу N 22к-4989/2014//<https://demo.garant.ru/#/document/126583882/paragraph/1/doclist/3794/29/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:50>

Дядюн К. В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава / Lex Russica. 2021. № 9. С. 54-65.

Конорезов Н. А. Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2022.

Конорезов Н. А. Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера (Ст. 133 УК РФ) / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11 (2). С. 70-75.

Мотин А. В. К вопросу о способе совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Право и практика. 2017. № 1. С. 38.

Никитин Ю. А. Содержание шантажа: вопросы теории и практики / Вестник Омской юридической академии. 2016. N 3. С. 61-64.

Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке Верховного суда Чувашской Республики в 2003 году. <https://demo.garant.ru/#/document/17602328/paragraph/1/doclist/3794/39/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:61>

Остапенко Т. Ю. Особенности понуждения к действиям сексуального характера / Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №12. С. 133-136.

Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2 -43/22 / Архив Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края.

Справка Самарского областного суда по результатам проведенного анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий. <https://demogarant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/4490/11/0/0/мужеложство,%20-%20это:0>

Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации / Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 56-63.

Шарапов Р. Д. Преступное насилие. 2009. С. 155.

References

- Appeal ruling of the Moscow Regional Court of August 26, 2014 in case No. 22k-4989/2014//<https://demo.garant.ru/#/document/126583882/paragraph/1/doclist/3794/29/0/0/compulsion%20to%20acts%20sexual%20character:50>
- Certificate of the Samara Regional Court on the results of the analysis of judicial practice in the consideration of criminal cases on crimes in the field of computer technology
//<https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/4490/11/0/0/sodomy,%20-%20is:0>
- Dyadyun K. V. Compulsion to act of a sexual nature: problems of interpretation and application of the composition. Lex Russica. 2021. No. 9. S. 54-65.
- Konorezov N. A. Compulsion to act of a sexual nature: criminal law characteristics and qualification problems: abstract of dis... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2022.
- Konorezov N. A. Problems of interpretation of objective signs of the composition of compulsion to act of a sexual nature (Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation). Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 11 (2). pp. 70-75.
- Motin A. V. On the question of the method of committing crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual. Law and Practice. 2017. No. 1. P. 38.
- Nikitin Yu. A. The content of blackmail: questions of theory and practice. Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. N 3. S. 61 - 64.
- Ostapenko T. Yu. Features of compulsion to act of a sexual nature. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No. 12. pp. 133-136.
- Review of the judicial practice of considering criminal cases in cassation by the Supreme Court of the Chuvash Republic in 2003. <https://demo.garant.ru/#/document/17602328/paragraph/1/doclist/3794/39/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:61>
- Sentence of the Leninsky District Court of Barnaul dated May 11, 2022 in case No. 2 -43/22. Archive of the Leninsky District Court of Barnaul, Altai Territory.
- Sharapov R. D. Criminal violence. 2009.
- Tydykova N. V. On the incorrect use of medical terms in the construction of sexual offenses in the Criminal Code of the Russian Federation. Jurislinguistics. 2018. No. 7-8. pp. 56-63.

Citation:

Тыдыкова Н. В. О терминах, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 49-54.

Tydykova N. V. (2023) On Terms Used in Defining the Corpus Delicti under Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 29, 49-54.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
